

Детский ад

Стекло́нный человек

Классе в девятом нас повели в анатомический музей. Сначала собрали, наорали, а потом сказали, что в пятницу вместо двух уроков биологии мы пойдем в этот самый музей. Идти обязательно: потом будет опрос об увиденном. Обычно на такую фигню все забивали, кроме двух отличниц — Марины Лондаревой и Инны Орловой, которые везде мотались. Ну, и еще два брата-татарина, у которых дома было пятьдесят младших братьев и сестер. Короче, им было неприкольнo торчать на хате.

Но в ту пятницу пришли почти все. Биологичка удивилась и почти не орала. Пришел даже Дима Есипенко, которого звали просто Ёс. Он, который жил на первом этаже, и его рожа вечно лупила из окна. Пришел Валера Скороухов, который все время болел, а в конце четверти играл джинна и читал задротские загадки со сцены в актовом зале. Пришел Фархад Эршад — пацан из Афганистана, который появился на занятиях один раз в начале года. И у которого все путали имя с фамилией. Все знали, что его мамашка занесла завучихе бабла, чтобы сыну выдали диплом в конце года. Фархад мало учился, но много качался, на его шее висела золотая цепочка с какой-то арабской фигней. И в тот день все подумали, что если пришел даже Фархад, то музей реально чего-то стоит. Не иначе.

Валерий Печейкин

Рассказывали, что десятиклассникам, которых водили в прошлом году, повезло: им показали резиновые сиськи — их нужно было слегка вздрочнуть, и из сосочков брызгала белая фигня. Типа молоко. Потом сиськи сломались и их куда-то заныкали. Вот. А нам ничего такого не светило. Кроме стеклянного человека.

Пока шли до автобусной остановки, дорогу перед биологичкой перебежала черная кошка. Биологичка засала и повела класс в обход, вдоль интерната для дебилов. Когда у нас кто-нибудь в классе тупил, ему говорили: «Отдадим тебя в розовый дом». Ведь интернат был покрашен розовым. Проходя мимо, мы шуганули пару даунов, которые тусили возле забора. Они еще больше затупили и все время, пока мы шли, смотрели на нас. Дебилы, чо.

Из-за кошки мы опоздали на автобус, а следующего пришлось ждать полчаса. За это время у одной девочки расстроился живот, а братья-татары подрались. Девочку отправили домой, а братьев биологичка схватила и шлепнула друг об друга: они успокоились. Потом пришел новый автобус и мы все, кроме обосранной девочки, в него забурились. По дороге мы выбесили несколько бабок, биологичка снова на нас орала.

В музее нас встретили безрадостно: мы жестко опоздали. Экскурсоводша начала из-за этого орать на биологичку. Всем стало стремно, что какая-то левая тетка орет на нас. Мы даже попытались на нее быкануть, мол, заткни хавчик или сосни тунца. Потом биологичка отвела ее в сторону, поговорила, и та быстро успокоилась. Оказалось, биологичка просто дала ей наличных лавов.

— Ну, — начала экскурсоводша, — начинаем экспресс-обход.

Стекланный человек

Она вынула белый халат – мятый, как будто из жопы. Вынула, надела, повела.

Поначалу ничего прикольного мы в музее не увидели. Было фуфлыжно, как в поликлинике. Подошли к триптиху «Инфекция». Плакат про ОРВИ, плакат про кишечную хрень и плакат про СПИД. У последнего подзаголовков «Инфекции, передающиеся половым путем». Про некоторых в школе говорили, что они ходят этим путем с пяти лет. Было заметно, что все три плаката рисовал один мусульманский художник, которому было ссыкотно изображать человека, поэтому он изображал не людей, а какую-то хрень.

На половом плакате было нарисовано несколько скамеек. На одной сидели наркоманы и ширяли друг друга в кавайные белые руки: ни вен, ни кошмарных фурункулов, посланных богом, автор не изобразил – просто руки, просто шприцы. Наркоманы были плохо одеты: видимо, все деньги уходили на ширку. Рядом сидела парочка – мужчина и проститутка. Она была побогаче и одевалась лучше, чем наркоманы. На ней была красная накидка и колготки в крупную клетку. Она закинула голову и подставила шею для поцелуя. На шлюшином лице проступали черты индивидуальности. Видимо, этот образ вызывал у художника эрекцию, типа отклик в душе. Вдобавок под скамейкой стояла открытая бутылка вина. Таким образом, автор за те же деньги рисовал больше предметов – его точно увлекла тема продажной любви.

Ну а рядом с наркоманией и проституцией был изображен гомосексуализм. Если шлюха вызывала у автора сочувствие, а ушлепки-наркоманы просто заблуждались – они не открыли пока для себя бухалово, – то го-

Валерий Печейкин

мосексуалисты... это... Даже коричневый грипп (первый плакат), который вылетает из носа вместе с «апчхи», не был таким страшным. Когда художник рисовал гомосексуализм, он, наверное, напоминал богиню Кали — гнев и разрушение колбасились в его рисунке.

На скамейке сидели два мужика с длинными волосами; они ртами целовали друг друга в губы. Губы были похожи на защелки от маминых кошельков. Такие, знаете, с шариками. Гомосексуализм был одет в разноцветные рубашечки, которые обычно носят на даче или в сочах. Короче, как если бы два инженера оказались на отдыхе без жен, а удочки и наркотики забыли дома. Из всех искушений осталось одно — гомосексуализм. Не пропадать же выходным?

Экскурсоводша увидела, как мы угораем над пидормотами, и погнала нас дальше. Через пару сек она уже объясняла отличницам, что такое кровеносная система. Нас тоже заставили смотреть на экспонат, где мигали красные и зеленые лампочки. Они изображали круги, по которым бежала кровь в организме. Я знал, что зеленые лампочки получают, если обычные прозрачные покрасить зеленой, а красные — женским лаком. Так на Новый год делалась вонючая — лак шмонил и трескался — гирлянда. А тут, значит, кровеносная система из тех же лампочек.

Про кровь все было более-менее понятно. Она держится в основном в руках и коленях, ну и во всем остальном, если этим хорошенько долбануться. А что по поводу говна? Это не я спросил, а Дима Есипенко, который жил на первом этаже. И все тупо заржали — Фархад Эршад, братья-татары, даже девочки. Все, кроме отлич-

Стекланный человек

ниц. У них был какой-то иммунитет. Биологичка долбанула Есипенку по голове сумкой и куда-то погнала.

Экскурсоводша показала еще пару стремных экспонатов, и тут началась жесьть.

Нас провели в зал, где под стеклом лежала вырезанная из разных людей хрень. Одна девочка сразу проблевалась. Причем та девочка, которая не села в автобус из-за поноса. Оказывается, дома ей дали деньги на такси, чтобы она смоталась в музей. Короче, бедняга за день дважды испачкала свое легкое летнее платье.

Потом нам показали дохлых лягушек в спирте и эмбрионов в банках. Видели их когда-нибудь? У биологички в подсобке стоит эмбрион: плавает в водке хрень, вроде запятой с глазами. И любой из нас мог в баклажке плавать и в школе какой-нибудь стоять. Однако мы стоим в музее и смотрим на них, а они — на нас.

Еще показывали мозги: простые и нарезанные, как сыр на дне рождения — тонко-тонко. Экскурсоводша стала что-то задвигать про нейроны и электрические импульсы. Потом идет дальше и зовет: «А теперь, мальчики, ступайте сюда». Интересно, думаем, а почему именно мальчики? Может, хрен заспиртованный покажут. Оказалось, нам покажут — легкие курильщика и печень алкоголика. Экскурсоводша ехидно давай рассказывать, что бывает с теми, кто курит, что с альвеолами происходит; про цистит печени, про раннюю смерть и все такое.

Мы ее, конечно, слушаем, а сами, как хомячки, думаем о своем. Наконец, говорит, проходим в финальную залу, там вашему вниманию предстанет стекланный человек из Германии. Тот самый. Проходим, смотрим — действительно торчит какая-то байда, похожая на нашего

Валерий Печейкин

вахтера-киргиза. Стекланный человек был не прозрачный, а какой-то бронзовый и стоял на деревянной подставке, подняв руки хендехоном.

Мы стали на него тупить: что такого? Просто стекланный человек... Как вдруг у него засветились розовые мозги! Оказывается, экскурсоводша заныкалась в угол и включила человека в розетку. Теперь она стояла сбоку, держала в руках пульт на проводе и болтала: вот мозги, которые вы уже ранее видели нарезанными. Они, как вы помните, нужны для вмещения души и мыслей.

Щёлк пультом – а это красная гортань, по ней пролетает еда из фастфуда.

Щёлк – а это оранжевые бронхи, они нужны... а фиг знает. Щёлк быстрый – голубые легкие, которые нужны, чтобы курить и орать. Еще ими можно надуть шарик, но это для школоты.

Щёлк – сиреневые печень-почки. Ну, печень-почки нужны, кажется, чтобы фильтровать воду от хлорки. Еще они болят, если долго бежать кросс по заданию физкультурника Юрия Владимировича, который однажды напился и лежал прямо на школьной лестнице, а его в учительскую таскали химичка и русичка. В общем, печень-почки нужны, чтобы болеть. Спросите у Юрия Владимировича.

Щёлк – коричневые кишки. Они нужны, чтобы в них хранился кал. Непонятно, зачем они такие закрученные и выёжистые. Ведь можно было устроить, чтобы кал сразу вываливался из жопы. Но так бывает только в первоначальной природе, где туалет повсюду. Бог же предусмотрел, что построят Москву без туалетов. И придумал кишки-лабиринты. Пока говно ищет выход, можно добежать до «Макдоналдса».

Стекланный человек

Щ... не-а, не щёлк, а барабанная дробь. Сами подумайте, что может засветиться ниже кишок... Ага, он должен засветиться. Но про него же не говорят, а тут... Все притихли... Было даже слышно, как трещат от напряжения глаза братьев-татар.

– Завершает наш обзор...

Белая вспышка!.. Свет светит во члене.

– ...половая система.

Какая, к черту, система! Это иван иванович, а не система. Так и надо было сказать, а завершает наш обзор, ребята, иван иванович, известный более как хер. Если откажут печень-почки, мочки ушей или даже мозг – жить можно. А без хера никак. Не надо забывать и про яйца – они придают херу вес. Важность хера для организма огромна.

Я посмотрел на отличниц Инну и Марину: лица у них были как зашнурованные. Глазами – двумя черными дырками – они хавали божественный свет. Посмотрел на биологичку: она зырила на член именно как на орган, который дан человеку не для радости, а для контрольной работы. Хорошистки смотрели на член испуганно, а единственная троечница Света Сластихина – с уважением, как на деда-ветерана. Ну а мальчишки ржали: Дима Есипенко, братья-татары и афганец, даже Валера Скороухов, уж на что задрот, тоже хмыкал. А что еще делать? Хер, писка, жопа – это смешно, а когда они светятся – вдвойне. Представьте, что светится жопа.

Член был похож на экономную светодиодную лампочку.

В нем билось живое солнце. Он был протянут каждому, как трубка мира: бери и вдыхай. О, ху... Мне показалось, у него появились два маленьких золотистых крыла,

Валерий Печейкин

он вспорхнул и, кружась, взлетел под потолок. Все ахнули, кроме экскурсоводши:

— Половой мужской член имеет способность отделяться от тела. Его пещеристое тело при этом выполняет функцию аэродинамической трубы. Именно эта способность к полету и послужила залогом эволюционного скачка, который сделало человечество...

Хер спикировал из-под потолка и воткнулся экскурсоводше в рот. Заткнись.

Конечно, это была фантастическая картина. На самом деле все просто поржали, а биологичка, опомнившись, обозвала нас импотентами. Больше в музее ничего интересного не было. Мы пошли домой.

Не помню, был ли опрос на следующей неделе. Из биологии вообще ничего не помню... А ведь до хрена учил: эпителий, эндотелий, вакуоль. А вот стеклянного человека запомнил. Остальное как будто в темноте — все забыл.

1 сентября

Я не пошел в школу 1 сентября.

В Узбекистане 1 сентября — это День независимости, он там даже круче Навруза. Поэтому, когда накануне умер Каримов, об этом не говорили несколько дней, чтобы не омрачать.

Вечером накануне — 31 августа 1991 года — я подошел к матери и сказал, что принял решение не идти в школу. Вообще. Да, я долго думал, взвесил все «за» и «против» и понял, что мне это не подходит. «Хорошо, скажи об этом отцу», — сказала мама. Это означало «ты с ума сошел, он тебя убьет».

Стекланный человек

Отцу я ничего не сказал. В школу я все-таки пошел. И все десять лет жалел об этом. Без шуток: решение, принятое в неполных семь лет, было верным. Школа оказалась абсолютно бессмысленным делом. Я до сих пор не понимаю, зачем все это было.

Из первого учебного дня я запомнил один момент. Все вставали и представлялись. Шли по алфавиту. Передо мной встал маленький лупоглазый Дима Петров. Ну, Дима так Дима, Петров как Петров. Так могут и должны звать разведчика, человека без свойств. А потом встал я.

«Меня зовут... Валера Печейкин». Класс бахнул смехом. Некоторые уронили разложенные пеналы. И тут я понял, что у меня очень смешная фамилия. Все десять лет из-за нее у меня не было настоящего прозвища. Меня уже звали Печейкин.

Когда я в 20 лет решил взять псевдоним, друг отговорил меня словами: «Валера, понимаете, вам он не нужен. Тексты, которые вы сочиняете, требуют именно такой подписи. Ваша фамилия уже звучит как псевдоним».

Так я остался Печейкиным. Я несую эту фамилию официально с первого дня в первом классе. В классном журнале меня записывали Печкиным, Печенькиным, Пегейкиным, Печонкиным, проч., проч.

Я с гордостью нес свою фамилию и считал себя героем, пока не встретил автора, чьей фамилией была — Пидоренко. И она была настоящей. И он так подписывался.

Так что, дорогие дети, с гордостью несите свои имена и фамилии, с гордостью пишите их на тетрадках. История рассудит, кто из вас был печейкин, а кто — Печейкин!

Валерий Печейкин

---

7 октября

Однажды в нашем доме появился календарь. Годы были 90-е, и календарь совмещал астрологический прогноз, советы хозяйке и познавательную статистику — кто из великих родился в такой-то день. Календарь торжественно повесили в туалете.

Я сразу отлистал на 7 октября и прочел: родились физик Нильс Бор и рейхсфюрер Генрих Гиммлер. Я не навидел физику, поэтому гордиться Бором не стал. А вот слово рейхсфюрер произвело на меня огромное впечатление. Я решил, что если этот человек упомянут в календаре — между гороскопом Весов и советом про картофельные глазки, — то это прекрасный человек. Я почему-то решил, что рейхсфюрер — это как парфюмер, только добившийся больших успехов. Короче говоря, я обрадовался.

И стал всем рассказывать, что вот, мол, живешь, а потом бац — и узнаешь, что родился избранником неба. Был, мол, такой Гиммлер, а вот теперь — я. И тогда не помню, кто (возможно, мать, которая преподавала историю в техникуме) сказала что Гиммлер был одним из соратников Гитлера. У них даже имена похожи, а рейхсфюрер — это не парфюмер, а последняя сволочь.

Я был в отчаянии. Родиться в один день с бессмысленным физиком и последней сукой, почти Гитлером, проклятьем человеческим. А больше в календаре не было никого. Надо мной стали подхихикивать, что, мол, так себе денек — 7 октября.

Я листал энциклопедию в надежде найти хоть еще кого-то, но все гении словно разбежались по другим

Стеклянный человек

дням. Седьмое октября было словно воронкой, оставшейся от падения астрологической бомбы.

Говорили, что в советское время это был День Конституции, но потом его отменили. День из красного стал серым... Я и Гиммлер с кровавой пастью одиноко ели торт.

Но шло время. Из газеты про звезд я узнал, что в этот день родился музыкант Том Йорк. Хотя что-то! Потом проскочила информация, что 7 октября – день сотворения мира в иудаизме. Уже неплохо!

А потом по телевизору сказали, что в этот день родился Путин. Владимир Владимирович Путин. А я Валерий Валерьевич Печейкин. И мы похожи.

И вот уже двадцать лет телевизор напоминает всем, кого нет в соцсетях, что меня нужно поздравить. Потому что поздравляют его.

Но знаете что? За эти годы я стал намного лучше относиться к Нильсу Бору и его квантовой теории спектров.

С праздником, Нильс!

Первый подарок

Вспомнил, что мне подарили на первый день рождения.

Мне 4 года, и мне дарят игрушку. Я спрашиваю, что я такое сделал. Оказывается, у меня день рождения – оказывается, этот день принято отмечать. Я радуюсь и одновременно огорчаюсь, так как не помню подарков на 3, 2 и 1 год. Сэкономили? Ладно...

Подарили деревянного Винни-Пуха с лапками на резинках. Я сразу отрываю одну лапу. Пух становится